

РЕФОРМА ГРАФИКИ В СССР В 1920–1930-х гг. КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ ЭТНОСОВ САЯНО-АЛТАЯ

Рассматривается влияние реформы графики, проведенной в Советском Союзе в 1920–1930-х гг., на формирование этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая. Поднимается вопрос о различии оснований и результатов языковой реформы для этносов с различной степенью этнической консолидации. Анализируются малоизвестные материалы по разработке литературных языков народов Саяно-Алтая. Делается вывод, что языковая реформа 1920–1930-х гг. явилась одним из факторов формирования этнического самосознания тюркоязычных этносов Саяно-Алтая.

Ключевые слова: этнос; этническое самосознание; реформа графики; латинизация алфавитов.

Языковая реформа 20–30-х гг. XX в. привлекала внимание исследователей советского периода [1], но особый интерес к ней проявился на этапе распада СССР, когда в некоторых постсоветских республиках проводился переход на латинскую графику (Азербайджан, Узбекистан), а в Республике Татарстан была предпринята попытка такого перехода [2, 3].

Исследователи отмечают, что в самой языковой реформе второй половины 1920-х гг. не было ничего необычного. Во-первых, активное реформирование всех сфер жизни общества, включая язык, характерно именно для периодов социальных изменений [4]. Во-вторых, в 1920-е гг. существовала объективная необходимость реформирования целого ряда языков народов России, включая тюркские языки, использующие арабскую графику.

Реформа тюркских языков с арабской графикой была разработана под влиянием идей джадидизма задолго до преобразований большевиков [5. С. 128–136]. При этом предложения о замене арабской письменности латинской графикой были всего лишь одним, и далеко не самым бесспорным, из разработанных вариантов реформы исламских языков. Главным доводом сторонников латинской графики во второй половине XIX – начале XX в., равно как и сейчас, был весьма сомнительный тезис о том, что латиница точнее передает особенности тюркских языков. Однако провести языковую реформу до 1917 г. не удалось и обсуждение вопроса о необходимости реформирования арабского алфавита продолжалось в среде тюркской национальной интеллигенции и после Октябрьской революции.

Большевики хотя не сразу, но поддержали вариант перевода алфавитов мусульманских народов на латинскую графику. Необходимо отметить, что в новой тюркской графике советскую власть интересовали не только и не столько проблемы фонетики. Важнее был политический аспект – латинизация символизировала разрыв общества с традиционной исламской культурой и означала проведение политики массовой атеизации населения.

В 1926 г. на I Всесоюзном тюркологическом съезде было принято решение о переводе на латинскую графику не только алфавитов с арабской графикой, но и алфавитов на основе кириллицы, разработанных для тюркоязычных этносов миссионерами. На практике масштабы реформы были значительно расширены:

в течение 1925–1929 гг. латинизации были подвергнуты практически все неславянские языки народов Советского Союза. Разрабатывались проекты перевода на латинскую графику («октябрьский алфавит») даже русского, армянского и грузинского языков. Причины расширения масштабов реформы заключались в языковой политике большевиков, активно использовавших национальный вопрос в борьбе за власть. Реализация базового принципа национальной политики большевиков – права наций на самоопределение – на практике приводила к необходимости алфавитизации родных (этнических) языков, «чтобы каждый житель страны независимо от национальной принадлежности мог свободно пользоваться материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры» [6].

Для решения этой задачи было необходимо разработать десятки национальных алфавитов для бесписьменных народов и распространить при помощи доступной для «нацменов» национальной культуры коммунистическую идеологию. В целях создания единой языковой основы новые алфавиты было решено разрабатывать на латинской основе. Во всеобщей «латинизации» сыграли свою роль и такие факторы, как ожидание мировой революции, опыт Турции, где в 1928 г. арабский алфавит был заменен латинским, а также то, что кириллица устойчиво ассоциировалась с практикой «русского колониаторства».

Сегодня, как мы уже отмечали, языковая реформа 1920–1930-х гг. привлекает внимание исследователей. Однако, как и в советский период, изучение языковой реформы в постсоветский период проводится преимущественно на материалах тюркских этносов, имевших письменность на основе арабской графики. Главное внимание в изучении процессов, происшедших на период языковой реформы, у этносов Сибири, сформированных в ходе советского национального строительства из этнически неопределенных групп, уделяется достижениям в области культурного строительства, включая алфавитизацию языков [7].

Языковая реформа 1920–1930-х гг. заслуживает более тщательного анализа уже потому, что в развитии языка и тесно связанных с ним этнокультурных процессах нет случайных эпизодов [8]. Необходимо всесторонне проанализировать этнокультурные процессы, которые сопровождали языковую реформу и / или были вызваны ею, выполнить анализ на материалах этносов с разной степенью и разным характером

ром этнической консолидации. В частности, существует настоятельная необходимость изучить влияние языковой реформы второй половины 1920–1930-х гг. на формирование этнического самосознания административно сформированных этносов.

Необходимость обращения к языковой реформе при изучении процесса формирования самосознания этносов с разной степенью и разным характером этнической консолидации диктуется тем, что положение о тесной взаимосвязи между кодификацией национального языка и процессом формирования национального самосознания [8. С. 15] применимо к этносам с естественной консолидацией и достаточно сформированным этническим самосознанием, но не учитывает специфику этносов, процесс консолидации которых явился результатом преимущественно административных усилий. Проведение языковой реформы у первой группы этносов инициировала национальная интеллигенция, и вопрос об усовершенствовании алфавита для них являлся отражением процесса формирования национального самосознания. В силу указанных обстоятельств отношение к процессу реформирования языка вне зависимости от конкретных вариантов проведения реформы для этносов с достаточно сформированным национальным самосознанием было осознанным.

Иной была ситуация с языковой реформой у этносов, процесс этнической консолидации которых был далек от завершения. В 1920-е гг. такие «этносы» представляли собой конгломерат родоплеменных групп, административно объединенных общим этнонимом; у них отсутствовало устойчивое этническое самосознание, выраженное в едином общеупотребимом автоэтнониме, а национальная интеллигенция была малочисленна и состояла преимущественно из учителей, получивших образование в рамках русскоязычной традиции в миссионерских школах. Проведение реформы графики у таких этносов имело свою специфику: реформа была инициирована только «сверху» – государством, была малопонятной даже для национальной интеллигенции, как, впрочем, и многие другие преобразования первых послереволюционных десятилетий. Непонятность реформы в совокупности с тем, что она не затрагивала какие-либо значимые для группового сознания элементы культуры, привели к тому, что изменение графики у новых советских этносов не вызвало сопротивления. При этом проведение реформы графики по времени совпало с подъемом в развитии национальных культур на базе разработанных в ходе реформы литературных языков. В то же время языковая реформа стала для национальной интеллигенции значимым мероприятием, в ходе которого появилась возможность обсудить важные проблемы развития собственного «этноса». Среди таких проблем на первом месте стоял вопрос о границах собственного «этноса».

Так, на территории Саяно-Алтая в ходе национального строительства, проводимого большевиками, из этнически неопределенных групп аборигенного населения были административно сформированы три народности – ойроты (алтайцы), шорцы, хакасы.

Наиболее искусственным этническим образованием являлась шорская народность. В состав шорцев были включены близкородственные группы кузнецких татар, среди которых были группы, тяготевшие как к хакасам, так и к алтайцам. Границы шорской народности были заданы аллоэтнонимом «шорцы» и границами созданного в 1926 г. Горно-Шорцевского (Шорского) национального района [9].

В июне 1930 г. на совещании работников просвещения Горно-Шорского национального района в ходе рассмотрения вопроса о переводе шорской письменности на латинскую графику был поставлен вопрос о необходимости разработки единого литературного языка для шорцев и хакасов. Вопрос о необходимости культурного сближения Горной Шории с Хакасией через разработку единого литературного языка был поднят не впервые. Аналогичные предложения озвучивались и в 1925 г. [1. С. 119].

«Целесообразность и выгодность» [10. Л. 47] сближения шорцев и хакасов делегаты-шорцы объясняли тем, что «для культурного развития нам надо за кого-то уцепиться» [Там же]. В выступлениях шорцев подчеркивалось, что «самостоятельно развивать свою культуру мы не сможем по экономическим и культурным соображениям», а у хакасов «культура стоит почти на том же уровне, на каком стоит у нас» [Там же]. Важным аргументом в пользу сближения с Хакасией было то, что Шория «в южной части района, где шорского населения больше, чем в других частях района, имеет экономическую связь с Хакасией и сближается наречием» [Там же]. Особое внимание делегаты конференции обращали на наличие у всех народов региона – алтайцев (ойротов), хакасов (сагайцев) и шорцев – одной истории. Существующие в языке отличия объясняли вполне в духе времени: «царское правительство... разъединяло эти мелкие народы так, что они перестали друг друга понимать» [Там же. Л. 14]. На совещании было принято решение о разработке единого для шорцев и хакасов литературного языка на базе латинского алфавита [Там же. Л. 48]. Ситуация для разработки «единого языка» виделась представителям шорской национальной интеллигенции исключительно благоприятной именно в связи с переводом алфавита на латинскую графику. Правда, прозвучали и опасения по поводу возможной языковой ассимиляции: «...нас, шорцев, мало, и мы будем вынуждены перенять хакасский язык» [Там же. Л. 47].

Для характеристики уровня сформированности этнического самосознания приведенный эпизод интересен с нескольких позиций. Во-первых, шорская национальная интеллигенция достаточно реалистично оценивала потенциал недавно созданного шорского этноса, настаивая на сближении со столь же недавно созданным этносом – хакасами. Во-вторых, изменение графики, по мнению представителей национальной интеллигенции, создало благоприятные условия для разработки единого литературного языка для шорцев и хакасов. В-третьих, несмотря на то что даже представители шорской национальной интеллигенции не осознавали себя в полной мере «шорцами» (они постоянно обращались к своей родовой принадлежно-

сти), они боялись утратить в процессе разработки единого литературного языка свой главный отличительный признак – шорский язык.

Разработка национальной письменности рассматривалась в качестве главного механизма сохранения этнической – шорской – идентичности. Так, один из делегатов съезда учитель Г.Д. Чульжанов сказал в своем выступлении: «Когда я работал в Мысковской школе, я был сторонником обрусения шорцев, теперь, работая в южной части, воочию убедился, что своя письменность необходима как никогда, так как русская письменность и литература далеки от шорских детей. Они, формально читая, не понимают содержания написанного, отсюда плохая успеваемость» [10. Л. 48].

Дальнейшее обсуждение проблемы разработки латинизированных алфавитов проходило на Всесибирской конференции татаро-тюркских народностей, состоявшейся 18 января 1931 г. На конференции делегаты от Горно-Шорского национального района внесли предложение о разработке единого литературного языка для хакасов и шорцев. Однако вопреки мнению шорской делегации на конференции было принято решение «считать необходимым развитие в качестве отдельных литературных языков ойротского для Ойротии, хакасского для Хакасии и шорского для Шории» [Там же. Л. 21].

Важность этого решения трудно переоценить: оно окончательно определило пути дальнейшего развития трех близко родственных этносов – шорцев, хакасов и ойротов (алтайцев). Фактически было проигнорировано желание представителей шорского «этноса» о сближении с хакасами. Такое решение одновременно способствовало усилению процессов этнической консолидации каждого из обозначенных этносов и закреплению межэтнических границ. Изменился и характер языковой самоидентификации: шорцы – шорский язык, хакасы – хакасский, алтайцы – алтайский, а не татарский язык (тадар) для всех обозначенных этносов, как это было раньше.

Решение, принятое на Всесибирской конференции, поставило шорскую национальную интеллигенцию перед проблемой выбора наречия, на базе которого нужно было разрабатывать шорский литературный язык. Обсуждение вопроса проходило на Горно-Шорской районной конференции по национальному языку и письменности, состоявшейся в мае 1932 г. [Там же. Л. 33]. В итоге бурного обсуждения было решено при разработке литературного языка взять за основу «мысковское наречие» (нижнемысский говор мрасского диалекта). При этом делегаты-шорцы сами признали, что в мысковском наречии не только сильно влияние русского языка, но и «он почти потерял свой народ» [11. Л. 22]: большинство носителей языка уже тогда говорили на других диалектах. Предпочтение, отданное нижнемысскому говору мрасского диалекта, не случайно, а объясняется тем, что именно этот говор был взят миссионерами Алтайской духовной миссии за основу при разработке алфавита.

В целом ситуация с переводом алфавитов на латинскую графику парадоксальна: латинская графика – инструмент и атрибут глобализации, оборотной сто-

роной которой является нивелирование национальных культур, – на практике стала инструментом формирования национальных культур [6]. Именно 1920–1930-е гг. стали наиболее благоприятным периодом для оформления национальных культур народов Саяно-Алтая. Этому способствовали алфавитизация хакасского языка, разработка хакасского, алтайского и шорского литературных языков, оформление национальных литератур, развитие системы образования на национальных языках.

Подъем в развитии национальных культур на основе национальных литературных языков помогал не только закреплению за этносами новых этнонимов («шорцы» за кузнецкими татарами, «хакасы» за минусинскими татарами и т.д.), но и тому, что сами «шорцы», «хакасы» и т.д. стали идентифицировать себя в своем новом качестве – этноса. При этом стоит отметить, что представления о прежней – родовой – принадлежности оставались ведущими в определении «себя» для «своих», так же как нередко сохранялось негативное отношение к навязанным аллоэтнонимам [9].

Процесс формирования письменной культуры народов Саяно-Алтая на основе латинской графики был административно прерван через семь лет: в течение 1938–1939 гг. письменность была переведена на кириллицу. Для шорцев возврат к кириллице осложнился ликвидацией в 1938 г. Горно-Шорского национального района. Следует отметить, что за десятилетие новация в виде латиницы, равно как и сама письменность, не изменила традиционную устную культуру. При этом для этносов, оформившихся под непосредственным административным воздействием государства в ходе национально-государственного строительства 1920-х гг., непоследовательность государства в национальном вопросе имела более тяжелые последствия, чем для этносов с достаточно высокой степенью консолидации и сформировавшейся интеллигенцией.

В реализации языковой реформы у этносов с разной степенью этнической консолидации прослеживается много общего. В результате недостаточной проработанности реформы появились проблемы с терминологией, ведением делопроизводства на национальных языках, обучением детей в национально-смешанных школах. Возросли масштабы неграмотности как следствие необходимости переучивания людей, овладевших грамотой на основе кириллицы. Еще больше обострилась проблема с учителями, которых теперь нужно было не только подготовить, но и переподготовить. Для решения всех обозначенных проблем требовалось выделение дополнительных финансовых средств. Была дезорганизована работа по алфавитизации и разработке литературных языков для ранее бесписьменных народов [7. С. 66–67].

Реформа сопровождалась всплеском противостояния по национальному признаку. В документах зафиксированы многочисленные случаи взаимных обвинений «нацменов» и русских в «великодержавном шовинизме и местном национализме» [12. Л. 306]. Чаше стали встречаться случаи, когда в национальных образованиях на все посты стремились поставить «своих»,

нередко даже в ущерб делу; обсуждался вопрос о необходимости выполнения инструкций, написанных на русском языке; ухудшилось отношение к русским. За ростом этнических национализмов нужно видеть осознание, в том числе представителями новых «этносов», своих национальных интересов, являющееся компонентом этнического самосознания. Особенно-стью наблюдавшегося повсеместно этнонационализма была ярко выраженная антирусская направленность.

Однозначно оценить процессы, которые были запущены языковой реформой 1920–1930-х гг., невозможно. Реформа подтолкнула процессы этноосознания, явившись одним из факторов формирования этнического самосознания и национальной культуры новых советских этносов. При этом чем более искусственным образованием являлся новый этнос, тем большую роль в процессе формирования этнического самосознания играла реформа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исаев М.И. Языковое строительство в СССР (процессы создания письменностей народов СССР). М. : Наука, 1979. 350 с.
2. Мударисова А.К. Реформирование татарского алфавита в 1920–1930-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 26 с.
3. Латыпов Р.Т. Введение латинизированного алфавита среди этнических меньшинств Уральской области. URL: http://mmj.ru/ural_history.html?article=198&cHash=017a586dce, свободный.
4. Аллатов В.М. К вопросу о языковых реформах // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_16_34/, свободный.
5. Исхаков Д. Джадидизм // Ислам и мусульманская культура в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки. Казань : Мастер Лайн, 2001. Гл. 8. С. 128–136.
6. Крюкова Т.Б. Языковая политика и реальность // Вопросы филологии. 2010. № 1 (34). URL: http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/, свободный.
7. Тузужекова В.Н., Мамышева Е.П. Национально-языковая политика Советского государства в 1920–1930-е гг. в Ойротской и Хакасской автономных областях // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 64–67.
8. Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л. : Наука, 1989. С. 7–37.
9. Борина Л.С. Этноним «шорцы»: к вопросу о конструировании этнических границ // Вестник ТГУ. Сер. История. 2007. № 304. С. 94–98.
10. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. 47. Оп. 1. Д. 1221.
11. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 1458. Т. 2.
12. ГАНО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3086.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

THE REFORM OF THE GRAPHICS IN THE SOVIET UNION IN 1920-1930S AS A FACTOR IN THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY OF TURKIC-SPEAKING ETHNIC GROUPS OF THE SAYAN-ALTAI

Tomsk State University Journal, 2015, 395, 97–101. DOI: 10.17223/15617793/395/16

Borina Lyubov S. Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: borina@nkfi.ru; hetnos@rambler.ru

Keywords: ethnicity; ethnic identity; graphics reform; alphabet romanization.

In the 1920–1930s the writing system changed twice in the Soviet Union: in 1925 the writing of most non-Russian ethnic groups was converted to the Latin alphabet and a decade later – to the Cyrillic one. Initiated by the Bolsheviks, the graphics reform was mainly based on the considerably “sovietized” ideas of the Turkic reformers of the second half of the 19th century. The purpose of the study of the language reform of the 1920–1930s is a comprehensive analysis of ethno-cultural processes that accompanied the language reform and / or were caused by it. The analysis is performed on the materials of the ethnic groups resulted from Bolsheviks’ ethnoses and nation building activity. In terms of the language reform implementation the ethnoses enjoying high ethnic consolidation and consciousness development have much in common with those weakly consolidated that did not form ethnic self-consciousness, but both the initial promises of the reform and the results were different. The graphics reform became one of the ethnic consciousness formative factors for new Soviet ethnoses. The elaboration materials on the Khakass, Altai and Shor writing were analyzed on the Latin graphics basis to show that as the language reform was discussed, the national intellectuals of the Shor ethnic group as one of the most artificial Turkic-speaking Sayan-Altai ethnoses insisted on uniting with the Khakasses as another artificially formed Soviet ethnic group. Thus, the national intellectuals tried to correct errors made by the Bolsheviks when differentiating Sayan-Altai ethnic groups. The Shorians suggested developing a unified literary language for both Shoria and Khakassia, but found no support. The refusal to develop such a language for closely-related clans of Kuznetsk and Minusinsk Tatars defined the linguistic identity of the Shor and Khakass ethnic groups as well as consolidated ethnic boundaries between them. Both the graphics reform and the resulted processes can neither be estimated unequivocally, nor be considered as a random episode in the language and culture development. On the one hand, alphabet romanization contributed to the formation of national cultures; on the other hand, the national literary languages were the bedrock of the national cultures further development that favored both the attaching of new ethnonyms to the constructed ethnic groups and their self-identification as new ethnoses. At the same time, the more artificial a new ethnic group was, the greater the reform contributed to the ethnic self-consciousness formation. The implementation of national interests of the new Soviet ethnic groups being part of the ethnic identity was reflected in the growth of ethnic nationalism with a strong anti-Russian orientation, which accompanied the linguistic reform. The linguistic reform was accompanied with a growth of anti-Russian ethnic nationalism as the new Soviet ethnoses realized their national interests as a part of ethnic self-consciousness process.

REFERENCES

1. Isaev M.I. *Yazykovoe stroitel'stvo v SSSR (protsessy sozdaniya pis'mennostey narodov SSSR)* [Language construction in the USSR (the process of creating scripts for peoples of the USSR)]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 350 p.

2. Mudarisova A.K. *Reformirovanie tatarskogo alfavita v 1920–1930-e gg.*: avtoref. dis. kand. ist. nauk [The reform of the Tatar alphabet in 1920s – 1930s. Abstract of History Cand. Diss.]. Kazan, 2001. 26 p.
3. Latypov R.T. *Vvedenie latinizirovannogo alfavita sredi etnicheskikh men'shinstv Ural'skoy oblasti* [Introduction of the romanized alphabet to ethnic minorities of the Ural region]. Available from: http://mmj.ru/ural_history.html?article=198&cHash=017a586dce.
4. Alpatov V.M. K voprosu o yazykovykh reformakh [On the issue of language reform]. *Voprosy filologii*, 2010, no. 1 (34). Available from: http://journal.mosinyaz.com/page_16_34/.
5. Iskhakov D. *Dzhadidizm* [Jadidism]. In: *Islam i musul'manskaya kul'tura v Srednem Povolzh'e: istoriya i sovremennost'*. *Ocherki* [Islam and Muslim culture in the Middle Volga region: history and modernity. Essays]. Kazan: Master Layn Publ., 2001, pp. 128–136.
6. Kryuchkova T.B. Yazykovaya politika i real'nost' [Language policy and reality]. *Voprosy filologii*, 2010, no. 1 (34). Available from: http://journal.mosinyaz.com/page_30_34/.
7. Tuguzhekova V.N., Mamysheva E.P. Natsional'no-yazykovaya politika Sovetskogo gosudarstva v 1920–1930-e gg. v Oyrotskoy i Khakasskoy avtonomnykh oblastyakh [National language policy of the Soviet state in the 1920s – 1930s in Oyrot and Khakassia autonomous regions]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian sciences in Siberia*, 2010, no. 1, pp. 64–67.
8. Myl'nikov A.S. *Yazyk kul'tury i voprosy izucheniya etnicheskoy spetsifiki sredstv znakovoy kommunikatsii* [The language of culture and the study of ethnic specificity of sign communication means]. In: Myl'nikov A.S. (ed.) *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of sign means of culture]. Leningrad: Nauka Publ., 1989, pp. 7–37.
9. Borina L.S. Etnonim “shortsy”: k voprosu o konstruirovani etnicheskikh granits [The ethnonym “Shor”: the issue of the construction of ethnic boundaries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. – Tomsk State University Journal of History*, 2007, no. 304, pp. 94–98.
10. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 1221.
11. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 1458. V. 2.
12. State Archive of Novosibirsk Oblast (GANO). Fund 47. List 1. File 3086.

Received: 20 April 2015